

Сиповский Василий Васильевич

**Н.М. Карамзин, автор «
Писем русского
путешественника»**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С39

С39 **Сиповский Василий Васильевич**
Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника» / Сиповский Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2012. – 654 с.

ISBN 978-5-458-01787-9

ISBN 978-5-458-01787-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Къ сожалѣнію, не могъ я избѣгнуть и «отступлений», иногда нарушающихъ въ моемъ изслѣдованіи единство содержанія; эти «отступленія» вводились мною то изъ опасенія спора о словахъ, то для разъясненія нѣкоторыхъ попутныхъ вопросовъ, болѣе или менѣе, важныхъ...

Въ заключеніе, считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, на средства котораго напечатано это сочиненіе.

Особенно признателенъ я глубокоуважаемому Л. Н. Майкову за его постоянно-доброе и внимательное отношеніе къ моей работѣ, за его цѣнные совѣты, часто выводившіе меня изъ затрудненій. Сердечнѣйшую благодарность приношу и дорогому В. И. Саитову, въ теченіе многихъ лѣтъ всегда охотно приходившему ко мнѣ на помощь со своими знаніями и опытностью.

Очень благодаренъ я и глубокоуважаемому А. Θ. Бычкову за то широкое гостепрѣимство, которое оказалъ онъ мнѣ — въ Императорской Публичной Библиотекѣ, — а первымъ очеркамъ моей работы — на страницахъ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ».

Долженъ я выразить свою признательность и гг. библиотечарямъ Имп. Публ. Библиотеки: В. П. Ламбину, И. А. Бычкову, А. А. Флоридову, И. М. Болдакову и П. А. Соколовскому, а также ихъ помощникамъ: В. В. Майкову и Н. Д. Чечулину — за неизмѣнно-доброжелательное отношеніе къ моимъ занятіямъ въ Библиотекѣ.

Наконецъ, не могу не сказать искренняго спасибо и всѣмъ тѣмъ, кто когда-либо добрымъ словомъ или дѣломъ оказалъ мнѣ поддержку въ моей работѣ...

ВВЕДЕНИЕ.

Основательное знакомство съ жизнью русскаго общества XVIII вѣка, съ его стремленіями и идеалами, представляетъ для историка культуры немалое значеніе. Причина этого ясна: вѣдь еще въ прошломъ вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, надо искать объясненія многихъ явленій, давшихъ содержаніе русской жизни XIX вѣка, явленій, даже въ наши дни, полныхъ жизни и смысла. Вотъ почему русское общество той эпохи не разъ подвергалось суду нашей исторической литературы; вотъ почему въ качествѣ судій выступали и историки, и историки литературы, и юристы; вотъ почему и въ наши дни та далекая жизнь полна еще не умирающаго интереса, тѣмъ болѣе очевиднаго, что при оцѣнкѣ этой важной эпохи наши историки значительно разошлись между собой ¹⁾.

Правда, эта разногласица, смущающая на первыхъ порахъ всякаго начинающаго изслѣдователя, нѣсколько смягчается тѣмъ, что почти каждый изъ этихъ историковъ нѣсколько ограничиваетъ свое мнѣніе оговорками и поправками, — но эти оговорки и поправки иногда такъ незначительны и такъ скоро, повидимому, забываются самими авто-

¹⁾ Незеленовъ, «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785»; Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники»; Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II»; Гольцевъ, «Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Л. Толстой, «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ» (Р. Арх., 1868, 515); Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в.»; Чечулинъ, «Русское провинціальное общество въ второй половинѣ XVIII в.»

рами, что, въ концѣ-концовъ, читателю всетаки приходится выпутываться изъ цѣлаго ряда противорѣчивыхъ мнѣній, взаимно исключаемыхъ одно другимъ. Почему же одна и та же жизнь оцѣнена у насъ до такой степени различно?

Историческая жизнь никогда не захватываетъ цѣликомъ всего общества; ни въ одной странѣ въ одно время не увидимъ мы единства интересовъ и стремленій,— всегда намъ придется имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ слоевъ, съ разнообразіемъ общественныхъ группъ, которыхъ интересы и стремленія чаще всего даже сталкиваются между собой. Понятно, что историкъ, характеризующій жизнь одной группы, изучающій ея характерныя черты, рискуетъ впасть въ ошибку, если свою характеристику распространить на все общество, не обративъ должнаго вниманія на то разнообразіе, которое въ немъ царитъ. Чтобы объяснить возникновеніе какого-нибудь культурнаго явленія (напр., сатиры XVIII в.), историкъ, конечно, обязанъ сгруппировать основанія, объясняющія это явленіе, но нельзя результатамъ подобной, нѣсколько искусственной, группировки придавать слишкомъ общее значеніе.

Цѣль нашего очерка—обрисовать жизнь Н. М. Карамзина до его путешествія. Для этого намъ надо бросить взглядъ на то малоизвѣстное время его жизни, когда складывались его духовные интересы, когда создавались его нравственные идеалы. Понятно, что для объясненія условій, создавшихъ ту атмосферу, въ которой выросъ Карамзинъ, нѣтъ намъ нужды рисовать жизнь *всего* русскаго общества XVIII в., ни, тѣмъ болѣе, останавливаться на темныхъ сторонахъ этой жизни,—напротивъ, намъ надо найти въ ней только то, что способствовало появленію такихъ личностей, какою былъ Карамзинъ; намъ надо объяснить, на какой почвѣ расцвѣлъ въ Россіи и чѣмъ питался тотъ идеализмъ, которому Карамзинъ остался вѣренъ до конца дней и который былъ имъ переданъ въ наследство молодому поколѣнію (Жуковскому и др.)...

Въ общихъ чертахъ возстановить жизнь той далекой эпохи не трудно благодаря обилію документовъ, дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка. Особенно драгоценны для насъ въ этомъ

отношеніи записки Болотова, эта талантливая эпопея русскаго общества за полстолѣтіе его жизни. Чуткій зритель всего происходящаго, человѣкъ отзывчивый на всякое общественное содраганіе, Болотовъ въ своихъ миниатюрахъ вырисовалъ такую массу людей прошлаго вѣка, что многое въ жизни той эпохи дѣлается для насъ понятнымъ. Цѣлый рядъ другихъ мемуаровъ и записокъ, въ общемъ, только подтверждаютъ Болотова ¹⁾. Кромѣ того, блестящія картины того вѣка, падающіяся въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей ²⁾, даютъ намъ представленіе объ этой жизни въ яркихъ типическихъ чертахъ: со всею полнотою исторической и психологической правды рисуется передъ нами эта жизнь, и нѣтъ въ этихъ картинахъ никакой исторической фальши.

Какова же была та часть русскаго общества, которая оказалась воспримчивой къ культурнымъ воздѣйствіямъ, пришедшимъ извнѣ, которая отозвалась на идеалистическія стремленія западной Европы XVIII в. и выдвинула изъ своей среды молодежь, чуткую, отзывчивую, въ концѣ вѣка оказавшуюся во главѣ русскаго передового общества?

Конечно, для рѣшенія этого вопроса Простаковы, Скотинины, Салтычихи и другія подобныя имъ личности не могутъ интересоваться насъ, тѣмъ болѣе, что и на страницахъ мемуаровъ XVIII в. они лишь изрѣдка мелькаютъ и быстро исчезаютъ осужденные и осмѣянные. Эти безобразные насты на русской жизни той эпохи силою вещей были обречены на гибель: они задерживали стремленія лучшихъ людей, единогласно были ими осуждены и должны были вымереть. Это были, по признанію людей XVIII в., возмутительныя исключенія на томъ ровномъ, правда, довольно безразличномъ фонѣ, какимъ была остальная масса русскаго общества. Вотъ эта—именно масса, изъ которой выдѣляются, время отъ времени, безобразные выродки и люди талантливые, полные

¹⁾ Напр., записки Данилова, И. Дмитриева, Фонвизина, Державина, Батенкова, Аксакова и мн. др.

²⁾ Напр., у Пушкина—въ повѣсти «Капитанская дочка», у Л. Толстого—въ романѣ «Война и Миръ», у Тургенева рядъ типовъ въ разныхъ повѣстяхъ и романахъ, у Аксакова — въ «Семейной Хроникѣ» и др.

энергии и хороших желаній, — особенно интересуется насъ, такъ какъ именно она оказалась средой, податливой на хорошія вліянія и къ концу вѣка сдѣлала большіе шаги впередъ...

Сытая, довольная, безстрастно жила она, съ непоколебимой вѣрой въ Бога ¹⁾, нетронутая душевнымъ разладомъ. Въ ней царилъ еще патріархальный складъ ²⁾ съ домостроевскими идеалами, правда, уже нѣсколько затуманенными вліяніемъ чужеземныхъ наслоеній. Много было въ этой добродушной жизни наивности и грубости, но жестокость была, повидимому, исключительнымъ явленіемъ ³⁾. Не мало хорошихъ людей проходитъ передъ нами при чтеніи записокъ XVIII вѣка ⁴⁾, и съ какою любовью относятся къ нимъ не только авторы записокъ, но и другіе современные имъ люди!

Для насъ очень цѣнно авторитетное свидѣтельство гр. Л. Толстаго, изучавшаго эту жизнь для своего романа «Война и Миръ». Защищаясь отъ обвиненія критиковъ въ томъ, что «характеръ времени недостаточно опредѣленъ» въ его романѣ, онъ говоритъ: «я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостного права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычихи и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда-либо и т. д.» ⁵⁾.

Семилѣтняя война потревожила это мирное теченіе русской жизни. Почти шесть лѣтъ прожили за границей русскіе дворяне, служившіе въ полкахъ Елизаветы; они увидѣли со-

¹⁾ Напр., см. Соч. Фонвизина (изд. 1866 г.) 533 стр., записки Болотова, I, 117, 118, 152; Державина, 6; В. Панаева, В. Евр., 1867, сент., 197 и др.

²⁾ Напр., см. записки С. Глинки, 2—3, 28; М. Дмитріева, 10—11, 13, 52—53; Болотова, II, 139, 303—5; Карамзина Соч., III, 260—261; соч. Вяземскаго, V, 17 и др.

³⁾ Напр., см. записки Болотова, II, 745—6, 774; Вигеля, I, 62 и др.

⁴⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 123—9; Вигеля, I, 17, 18, 20, 62—3, 26 — 7, 94, 123 и мн. др.; Карамзина, Соч., III, 241 — 2, 261—4; Державинъ, Новиковъ, Лопухинъ — ближайшіе воспитанники этого общества.

⁵⁾ Р. Арх., 1868, 516.

вершенно новую жизнь, въ которой чувствовалось тогда культурное движеніе; они присматривались къ этой жизни и многое принесли на родину изъ чужихъ краевъ ¹⁾). Съ какими чувствами оставляли русскіе юноши чужбину, — объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуесть Болотовъ, рассказывающій о своемъ прощаніи съ Кенигсбергомъ: «какъ скоро отъѣхалъ я версты двѣ отъ города и взъѣхалъ на знакомый мнѣ холмъ, съ котораго можно было городъ сей мнѣ впослѣднія видѣть, то предчувствуя, что мнѣ его никогда уже болѣе не видать, восхотѣлось мнѣ еще разъ на него хорошенько насмотрѣться... съ цѣлюю четверть часа смотрѣлъ на него съ чувствами нѣжности, любви и благодарности.... и, бесѣдуя съ нимъ душевно, молча говорилъ: «Прости, милый и любезный градъ, и прости на вѣки!.. Ты былъ мнѣ полезенъ въ моей жизни; ты подарилъ меня сокровищами безцѣнными; въ стѣнахъ твоихъ *сдѣлался я человекомъ и спозналъ самого себя*» ²⁾), — и, конечно, не одинъ Болотовъ переживалъ такіа чувства!

Манифестъ о вольности дворянства ³⁾ по всѣмъ угламъ Россіи разбросалъ массу служилыхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заграничной жизни ⁴⁾). Раньше дворяне только заѣздомъ посѣщали свои родныя гнѣзда, — чаще всего старики, женщины да дѣти были постоянными жителями русской деревни, — теперь туда полились широкіе потоки новыхъ людей, нерѣдко молодыхъ, со свѣжими запасами знаній и силъ. Возвращаясь на родину уже не съ тѣмъ, чтобы умирать на покоѣ, а для того, чтобы жить въ свое удовольствіе, они легко увлекались всѣмъ, что могло хотя до нѣкоторой степени поддержать ту культурную атмосферу, къ которой они были приучены жизнью въ умственныхъ центрахъ ⁵⁾). И вотъ, приблизительно съ этого времени начинаютъ составляться тѣ библіотеки, которыя къ концу

¹⁾ Напр., см. записки Болотова, II, 141—4, 453, III, 59, (загнѣ Болотова) и др.

²⁾ Болотовъ, II, 143.

³⁾ Напр., см. Болотова, II, 131—3, 171, 453 и др.

⁴⁾ Напр., см. Болотова, II, 143.

⁵⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 179, 180; III, 859, 912, 930, 1020, 1023; IV, 129, 245, 270, 275, 340, 513—4, 686, 709, 845, 1150, 1299; «Памятникъ протекшихъ временъ», 93; записки Державина, 267—8.

вѣка у нѣкоторыхъ помѣщиковъ достигаютъ внушительныхъ размѣровъ; въ деревню выписываются журналы и газеты ¹⁾, даже заграничныя; начинаетъ прививаться любовь къ домашнему театру ²⁾, обратившаяся подъ конецъ въ какую-то манію; являются любители домашнихъ оркестровъ, собиратели картинъ и рѣдкостей. Въ русскомъ обществѣ замѣтно пробуждается эстетическое чувство: не только произведенія искусства, но и сама природа, во всей ея нетронутой простотѣ, находитъ поклонниковъ ³⁾, возбуждая у нихъ «изящнѣйшія чувствованія», «кроткія наслажденія»... Подъ вліяніемъ западной культуры люди XVIII вѣка начали на многое смотрѣть «совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчали» ⁴⁾,— и, конечно, «блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями натуры» доставляло «восхитительныя минуты», не одному Болотову, если «англійскіе» сады дѣлаются модой даже въ глухой провинціи... Красоты природы сдѣлались понятны многимъ русскимъ, опять-таки подъ вліяніемъ запада:— этому «искусству наслаждаться природой» Болотовъ научился, по его словамъ, «въ бытность свою еще въ Пруссіи» ⁵⁾...

Пробужденіе эстетическаго чутія въ русскомъ обществѣ зародило у многихъ любовь къ поэзіи: едва почувялъ Болотовъ прелесть эстетическихъ эмоцій, какъ «нечувствительно получилъ вкусъ и къ піитическимъ сочиненіямъ» ⁶⁾. Вотъ почему Сумароковъ, Херасковъ и другіе современные имъ пи-

¹⁾ Напр., см. записки Болотова, III, 824; IV, 1164, 245—6, 747; «Памятникъ», 9, 106; Вигеля, III, 128, 134; II, 146—7; «Отецъ и Сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 509, № 6, 464; В. Панаева, «В. Евр.», сент., 1867, 230 и др.

²⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 879—81; III, 868, 870, 873, 902, 904—6, 908, 912, 915, 955—7, 961—2, 968—71, 963, 1023 и др.; «Памятникъ», 93; Вигеля, I, 213, 187, 183—5, 172; Державина, 267—8; «Отецъ и Сынъ» Р. Вѣстн., 1875, № 5, 181, 183; «Р. Арх.», 1873, 1891 стр. и др.

³⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 308—9, 862; II, 66, 398—99, 412, 581—2, 602, 845; IV, 303, 558, 849, 925—6, 1094, М. Дмитріева, 15—16; В. Панаева, «В. Евр.», 1867, сент., 208—10; «Отецъ и Сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 523, 528; И. Дмитріева, 32—3; Карамзина, Соч., III, 257 и др.

⁴⁾ Болотовъ, I, 863.

⁵⁾ Ibid., II, 845.

⁶⁾ Ibid., 863.

сатели, выступившіе на литературное поприще на зарѣ русской новой литературы, сдѣлались любимцами передового русскаго общества: они на первыхъ порахъ вполне удовлетворяли скромнымъ требованіямъ русскихъ эстетиковъ, и за это стихотворенія ихъ выучивались наизусть, надъ ихъ произведеніями проливались «сладкія слезы»¹⁾...

Кромѣ «эстетическаго» движенія въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка нетрудно также замѣтить и пробужденіе «нравственныхъ» стремленій. Источникомъ этихъ стремленій была литература переводная и оригинальная, возникшая подъ вліяніемъ западной. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли театральныя пьесы и романы: эти произведенія были особенно популярны въ русскомъ обществѣ и многое сдѣлали для расширенія его духовнаго кругозора. Отъ людей XVIII вѣка мы знаемъ, какое сильное впечатлѣніе производила на многихъ драма того времени съ ея опредѣленными идеалами: торжество добродѣтели, патриотизмъ, возвышенная чистая любовь,— все это сильно волновало русскую молодежь, будило въ ея душѣ идеальныя порывы²⁾... Романы, благодаря своей завлекательности, еще сильнѣе дѣйствовали въ этомъ направленіи на подростающее поколѣніе: они были настоящей культурной силой въ жизни русскихъ людей XVIII вѣка. Почти всѣ авторы записокъ того времени, говоря о своемъ дѣтствѣ, признаютъ огромное значеніе для нихъ этихъ произведеній³⁾.

Романы увлекали читателей своимъ «интереснымъ» содержаніемъ, а потому болѣе были доступны массѣ, чѣмъ, напримѣръ, лирическія произведенія; на цѣлыя дни и ночи при-

¹⁾ Напр., Дмитриева, 6, 7, 19, 40, 55; Вигеля, I, 114. М. Дмитриева, 49 и др.

²⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 353, II, 293; Фонвизина, 539; И. Дмитриева, 6—7, 21; С. Глинки, 12, 69, 81.

³⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 108, 181 — 2, 369, 321 — 2, 327, III, 942; И. Дмитриева, 4, 5; М. Дмитриева, 48 — 9, 47; С. Глинки, 12, 52 — 3; Греча, 135; В. Панаева, «В. Евр.», 1867, сент., 213, 222; Вигеля, I, 167; Макарова, «Мои 70-лѣтнія воспоминанія», I, 14—15, II, 98; «Отецъ и сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 538—9. (О значеніи романа см. статью Ключевскаго: «Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ», «Р. Мысль», 1895, № 1, 40—1, также Блюзерской: «Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII в.», «Р. Стар.», 1895, № 1.

ковывали романы къ себѣ вниманіе любителей этого чтенія ¹⁾, нерѣдко послѣднія деньги выманивали у нихъ ²⁾... Но за то они заставили полюбить книгу ³⁾; начавъ съ романа, многіе переходили къ историческимъ, нравоучительнымъ, научнымъ сочиненіямъ ⁴⁾, а тѣ, которые остались навсегда при романахъ, всетаки были благодарны имъ за то расширеніе нравственнаго кругозора, которое было принесено этимъ чтеніемъ. «Кто плѣняется Никаноромъ, злощастнымъ дворяниномъ, говоритъ Карамзинъ, тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаеть, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи» ⁵⁾.

Въ большинствѣ переводныхъ и оригинальныхъ романовъ XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ опять-таки рѣшительное восхваленіе добродѣтели, неизбѣжное наказаніе порока: мы знакомимся съ героями, страдающими, но вѣрными своимъ нехитрымъ идеаламъ: чистая любовь, благородство души, чувствительность сердца,—вотъ черты любимыхъ героевъ въ этихъ произведеніяхъ. Ихъ страданія вызывали слезы и будили отзывчивость въ юныхъ сердцахъ ⁶⁾, ихъ завидныя добродѣтели восхищали молодежь и безъ труда увлекали ее на дорогу къ идеализму... Многіе, кромѣ того, отъ чтенія и переписыванія романовъ переходили къ переводамъ, подражаніямъ, распространяли свои симпатіи на всю область литературы и понемногу втягивались въ литературныя занятія ⁷⁾.

Особенное значеніе имѣла эта нахлынувшая романическая

¹⁾ Напр., см. Карамзина Соч., III, 253—4; «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 535; записки С. Глинки, 70 и др.

²⁾ Напр., см. «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 520, 521.

³⁾ Напр., см. «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 500, 542, № 7, 102, № 8, 595, 559—560; Болотова, I, 350, II, 354, 67—8, 72; 388, 409, III, 1020, 932; М. Дмитріева, 98—9; И. Дмитріева, 11 и др.

⁴⁾ Напр., см. Болотова, I, 863, II, 443, III, 101, 355, 932, IV, 265; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 542.

⁵⁾ Карамзинъ, Соч., III, 548.

⁶⁾ Напр., см. записки С. Глинки, 46, 12; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 535, 526, 521 и мн. др.

⁷⁾ Напр., см. записки Болотова, I, 234—5, 610, 335, 351, 369, 391, 430, 653, 863, 958, II, 443, 609, 743, 749, 810—1, 843, III, 52—3, 101, 108—10,